

ЛАУРИС ГУНДАРС

ПЕСНЯ КРОЛИКА

Комедия

Действующие лица:

АРНОЛЬД

ЛИЕНЕ

РОБЕРТ

Пятидесятилетние

Квартира Арнольда и Лиене. Гостиная: высокие потолки, слишком просторно, давно не было ремонта, мебель разных лет. Занавески на больших окнах плотно затянуты.

Вдоль одной из стен выстроились в ряд зеркала — разных размеров, форм и назначений; они размещены так, чтобы изображение было цельным, сплошным. В среднем темпе громко тикает механический метроном. В этом ритме, глядя на свое отражение в зеркалах, АРНОЛЬД выделяет комбинации танцевальных па. Он повторяет их неоднократно — до тех пор, пока рисунок танца не выходит цельным. Затем Арнольд быстро идет к шкафу — и из-за его открытой дверцы выходит уже переодетым: теперь на нем вместо джинсов фиолетовые, расшитые блестками, расклешенные брюки. Они ему чуть малы, подвязаны шнурком. Осмотрев себя перед зеркалом со всех сторон, Арнольд выключает запылившуюся лампу под потолком, косо прислоняет торшер к стулу — тот освещает его, как прожектор. На шкаф он запикивает настольную лампу: и оказывается в перекрестье двух лучей — блестки на брюках переливаются при каждом движении. Арнольд ставит метроном на более быстрый темп, и танец становится заметно эффектнее. Кажется, Арнольда устраивает то, что он видит теперь в зеркале. Танцуя, он движется справа налево, потом — слева направо. И опять назад, и опять вперед. И наконец, не сбиваясь с ритма, Арнольд подхватывает с полки изящную вазочку и подносит ее ко рту, как микрофон.

АРНОЛЬД *(поет)*: *Топай-топай, кролик, шагай!*

Топай-топай, дверь отвори!

Тра-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла!

И тра-ла-ла, ла-ла, ла-ла!

Топай-топай, кролик, шагай!

Пока Арнольд поет, в комнату входит ЛИЕНЕ. Должно быть, она только что с улицы — видно по одежде. Довольно долго она стоит неподвижно и, незамечаемая им, смотрит на происходящее. Наконец он замечает ее в зеркале и громко вскрикивает от испуга.

АРНОЛЬД. Стучаться надо!!!..

Будто прячась, он ныряет за дверцу шкафа. Под потолком загорается лампа, в ее свете все в комнате блекнет.

АРНОЛЬД. Чего ты примчалась?! Сегодня еще пятница! Пятница ведь?!

ЛИЕНЕ. Нас отпустили раньше...

Какое-то время слышен один метроном. Арнольд выходит из своего укрытия, чтобы остановить его.

ЛИЕНЕ. Вчера мы дольше обычного работали, вот и отпустили сегодня раньше. К семьям, на субботу...

АРНОЛЬД. Так хоть бы позвонила! Тяжело, что ль, было?!

Лиене не отвечает. И Арнольд внезапно обнимает ее, страстно целует и, подхватив на руки, делает несколько кругов по комнате.

АРНОЛЬД. Угадай с трех раз — что случилось?! Раз, два, три — не отгадаешь! Даже не старайся! Ладно — хотя бы версии! Я свихнулся, к примеру! Ну, угадывай же! Смотри: это в крови, в генах! Смотри! Говорю тебе — садись! Садись! Смотри — ноги сами помнят!..

Усадив Лиене в углу комнаты, он повторяет свой танец четко, безошибочно.

АРНОЛЬД. Раз, и поворот, два, три, налево — раз, и два, три, и вперед, кругом, голова — резко! И раз, и поворот, голова, кругом! И — назад!.. Помнишь?! Точно: ноги, голова, руки, голос — ничто не изменилось, ничуть не изменилось! Невероятно! Ты видишь, видишь?!

Лиене кивает.

АРНОЛЬД. Отвечай же! Видишь? Громко! Случилось что-то? Да? Нет? Тогда ответь, если не трудно! Будто ты тут одна, а меня и нет вовсе!

Лиене открывает рот, пытается что-то сказать, но Арнольд ни на миг не замолкает.

АРНОЛЬД. Может, тебя это удивляет. Меня — ничуть! Это — как дышать: ты просто не можешь этого забыть. Разбуди посреди ночи — пожалуйста! Раз — и поворот, два, три, налево — раз... Терпеть не могу этого слова, но... Да, профессионально. Отвратительно профессионально! Когда яйца не мешают! Нет? Ты слышишь?! Если тебе не интересно, можешь убираться! Я тебя не держу!

ЛИЕНЕ. Я слышу.

АРНОЛЬД. Никто тебя не держит — убирайся! Встань и иди! Иди, я говорю!

И Лиене — действительно — вдруг резко встает и выходит из комнаты. Арнольд останавливается, не закончив па, но затем все-таки продолжает свой танец. Хотя и без прежнего жара. Потом достает со шкафа гитару в пыльном чехле.

АРНОЛЬД (*зовет*): Настрой бандуру! Слышишь?! Надо настроить! Я буду играть!..

Через минуту появляется Лиене. Она сняла пальто и сапоги, надела простенький домашний халат, тапки. Лиене со знанием дела настраивает гитару. Тем временем Арнольд начинает петь упражнения для голоса. Все громче и громче. Правда, не все у него выходит удачно.

ЛИЕНЕ. Я не слышу.

АРНОЛЬД. Почему ты не спросишь, что происходит? Ничего не происходит? Идет себе обычная жизнь, да? Даже цунами тебя не разбудит, так?.. Ну-у! Проснись! Что здесь происходит?

ЛИЕНЕ. Я вижу.

Она продолжает настраивать гитару. Арнольд целует ее шею, затем — спину.

АРНОЛЬД. Ну почему? Почему происходит то, что происходит?!
Что не происходит каждый день. Почему? Ну спроси — почему? Я тебе отвечу.

ЛИЕНЕ. Почему?

Арнольд все-таки не сразу отвечает — смакует паузу.

АРНОЛЬД. Нас будут записывать. Диск. Два диска. Может быть.
Прослушают и — запишут... Теперь можешь спросить: кто?

ЛИЕНЕ. Кто?

Она отдает Арнольду настроенную гитару.

АРНОЛЬД. Это правда, правда! Позвонили сегодня утром. Они нас уже знают — давно знают! Так и сказали: *нам все уже давно ясно, кто есть кто!* Так и сказали! Нет — конечно, можешь не верить!

ЛИЕНЕ. Я верю.

АРНОЛЬД. Не ври хотя бы!

ЛИЕНЕ. Можно взять зеркало, которое из ванны?

АРНОЛЬД. Я могу и обидеться.

Ни слова не говоря, Лиене берет нужное ей зеркало. Бросив гитару, Арнольд кидается за ней и отнимает зеркало. Встает с ним в дверях комнаты.

АРНОЛЬД. Смотри, смотри! Ты узнаешь эту женщину? Узнаешь?
Я — нет! Когда-то я знал другую! Эту — нет! Смотри!

ЛИЕНЕ. Я устала...

Арнольд умолкает.

ЛИЕНЕ. Оба дня пришлось поработать дольше — чтобы в субботу к семьям... Ты слышишь?

Зеркало постепенно ускользает из рук Арнольда.

ЛИЕНЕ. Тебе плохо? Пил сегодня лекарство? Принимал?! Ты слышишь меня?..

Арнольд вдруг кладет зеркало на пол и крепко обнимает Лиене. Целует.

АРНОЛЬД. Я тебя накормлю, приготовлю ужин! Сейчас накрою...

ЛИЕНЕ. Не все еще съел? За два-то дня?..

АРНОЛЬД. Ты же что-то принесла, наверняка принесла! Что-то вкусненькое, так ведь? Принесла? Клубничный йогурт? Угадал?

ЛИЕНЕ. Да.

Арнольд продолжает целовать ее.

АРНОЛЬД. Сейчас разгружу твою сумку. Посиди! Я — мигом! Я голодный, как волк. Гам-гам! Съем этот халат, эти колготки!..

Лиене смеется. Потом взвизгивает: Арнольд внезапно подхватил ее на руки.

АРНОЛЬД. Тебе никогда, никогда не придется больше работать!

ЛИЕНЕ. Дурачок, я же такая тяжелая!

АРНОЛЬД. Будешь жить, как принцесса! Как королева! Клянусь! У тебя будет все! Всего вдоволь!

ЛИЕНЕ. Три килограмма уже прибавилось — в этом году.

Слышишь? Ты не принимал лекарство!..

И Арнольд на самом деле опускается в бессилии, не выдержав тяжести Лиене.

ЛИЕНЕ. Тебе плохо?!..

Но Арнольд смеется — они оба лежат на полу.

АРНОЛЬД. Завтра же уволишься! Да, завтра! Хватит!

ЛИЕНЕ. Завтра суббота...

АРНОЛЬД. Тогда — послезавтра!

ЛИЕНЕ. Воскресенье...

Арнольд резко встает.

АРНОЛЬД. Ты вообще слышишь, что я говорю? Не делай из меня олуха!

ЛИЕНЕ. Давай поедим...

Она тоже поднялась.

АРНОЛЬД. Я говорю — *новая жизнь!* Я тут изо дня в день бьюсь, А она... *Суббота, выходной!* Спасибо! Конечно, разве можно мне верить?! Я же в облаках витаю! Чокнутый мечтатель!.. Но кому-то надо же хлеб и йогурт зарабатывать, так?! А потом — *в субботу-воскресенье к семье!*..

ЛИЕНЕ. Когда ты обедал?

Арнольд опять хватается за зеркало, на мгновение приближает его к лицу Лиене и мягко бросает на пол. Зеркало со звоном разбивается.

АРНОЛЬД. И не забудь: я ведь всем известный истерик! Такой *выкричится — и все пройдет.*

ЛИЕНЕ. Сейчас будет готово.

АРНОЛЬД. Спасибо, не надо, обойдусь., Мне не хочется есть. Ешь сама. Ты — устала, проголодалась. Иди.

Лиене молча идет к двери.

АРНОЛЬД. Ты же знаешь... Будет очень плохо, если ты сейчас уйдешь.

И Лиене останавливается на пороге, не оборачивается. Какое-то время в комнате стоит тишина.

АРНОЛЬД. Я всех обзвонил. Всех. Завтра в пять — здесь...

Лиене резко оборачивается.

ЛИЕНЕ. Всех?

АРНОЛЬД. Да. Андрей там больше не живет...

ЛИЕНЕ. И они согласились?

АРНОЛЬД. Завтра в пять — здесь... Теперь веришь?

ЛИЕНЕ. И они придут?

АРНОЛЬД. Обещали. Все.

Арнольд смеется, хочет обнять Лиене, но на сей раз она уклоняется.

ЛИЕНЕ. Будут играть?

АРНОЛЬД. Сперва они придут. Завтра в пять из ждет самый большой сюрприз в жизни. Они еще не знают того, что знаешь ты.

ЛИЕНЕ. Они будут?

АРНОЛЬД (*смеется*). И у тебя кровь закипает?.. Теперь угадай: кто нас будет слушать, кто будет записывать? И с трех раз нее угадаешь! Ну — варианты! Ни за что не угадаешь, даже не старайся! Сядь, пожалуйста, а то упадешь. Обопрись хотя бы! (*Торжественно*). И грядут счастливые...

Дальнейшее Арнольд шепчет Лиене на ухо.

АРНОЛЬД (*после паузы*). Ты слышала?

То, что Арнольд нашептал на ухо, Лиене не взволновало — в отличие от того, что она слышала раньше.

ЛИЕНЕ. Да...

АРНОЛЬД. Да, я поначалу тоже онемел. На этой широте они никого еще не приглашали, никого! Мы первые. Нет — единственные! Они отказали всем, абсолютно всем! Даже Алексу! Как он сказал, выламывался, целиком свиной поджаривал! Ну и где же этот диск? Или такой мизерный, что не разглядеть?.. Не плачь! Я тоже чуть не расплакался, честное слово! Ну улыбнись же!

Лиене позволяет ему обнять себя, но — не улыбается.

АРНОЛЬД. Так трудно молчать, годами молчать. Смотреть на все это и молчать. Не унижаться. Не превратиться в шута. Вынести. И видишь: это оценено! Даже не верится! Нет, это не сон — это реальность.

Лиене У меня голова разболелась...

АРНОЛЬД. Да, я тоже не могу успокоиться... В голове — словно пчелиный рой!.. Песни на первом диске должны быть в такой последовательности: “Кролик” — разумеется, титульная, дальше — “На бережку”, потом — “Ракета”, и потом — сразу тихо-тихо — “Волшебная лампа Аладдина”. А затем произносим четко: “Ночной рыцарь”. (*Начинает петь*).

Сила грядет незримая —

Незримая, беспощадная!..

А может, титульным сделать “Рыцаря”? Ведь “Кролика” можно неверно понять. А вот “*незримая, беспощадная*”... Это мы. Ты слышишь?!

ЛИЕНЕ. Да...

АРНОЛЬД. Что “да”?! Это твои песни или мои, в конце концов?!
Если у тебя другие соображения — пожалуйста, поговорим! Опять хочешь своего “Ясеня”? Ради бога! Конечно, кто тебе запретит! Но это — дурной выбор... Может, все же поговоришь со мной?

ЛИЕНЕ. Все так неожиданно...

АРНОЛЬД. Да уж, такое может и мертвеца разбудить. Только — не тебя. Ты вещь думаешь о чем-то более важном, так? Где же это мы были вчера, позавчера?

ЛИЕНЕ. На курсах.

АРНОЛЬД. И твоя бухгалтерия была такой развеселой, что забыть о ней не можешь? Или там были какие-то другие курсы? Повышения квалификации, например.

ЛИЕНЕ. Там все мужчины женатые.

АРНОЛЬД. Глупее объяснения не бывает, как известно. И сколько их там было? Этих женатых?..

ЛИЕНЕ. Четыреста тридцать шесть.

Она наклоняется, подбирает с пола осколки зеркала. Арнольд отнимает их и снова бросает на пол.

АРНОЛЬД. Прости. Конечно, это так глупо! Извини. Все изменилось, но я этого еще не осознал, идиот! Я не хочу, не хочу больше быть таким кретином! Не хочу и не буду!

Обняв Лиене за плечи, он смотрит на их отражение в одном из зеркал.

АРНОЛЬД. Обещай! Если я еще хоть раз об этом забуду и опять поведу себя как кретин, ты меня бросишь. Возьмешь и бросишь — обещай! Без комментариев. Хватит! Мы должны жить, а не превращаться в пигмеев... Ну, по крайней мере сразу дашь мне по морде, поклянешься! Хорошо?!.. Кролик, мы же так подходим друг другу. Все еще. Посмотри!..

Наконец Лиене поднимает глаза и смотрит в зеркало.

АРНОЛЬД. Ну?.. Только не смейся, хорошо?!..

Он начинает строить шутовские гримасы.

АРНОЛЬД. Не смейся! Не смейся, Кролик, — тигр идет! А-а-а-а!!!

И Лиене на самом деле смеется. Но смех — скорее горький. В противовес бурному смеху Арнольда. Он не может остановиться — продолжает смешить Лиене. Гримаса сменяете гримасу.

ЛИЕНЕ. Подожди!.. Я... Однажды наступает момент... и ты, человек, больше не можешь... Слышишь?.. Кончай... Может, я не права, но... Что-то надо делать. Когда исчезает смысл. Что бы ты не выдумывал... Одурачивание себя... Кончай! Наверно, мне уже давно надо было!.. Не знаю... Это невозможно...

АРНОЛЬД. Что?

ЛИЕНЕ. Все...

Арнольд перестает дурачиться. Прижимает ее к себе крепче. Она вдруг неожиданно страстно целует Арнольда.

ЛИЕНЕ. Ты понимаешь?

АРНОЛЬД. Да, мы молчали так долго... Но все возможно, все!

Топай-топай, Кролик! Вперед!

Он бросается за шкаф. Лиене так ничего и не сказала — приоткрыв рот, стоит молча. За шкафом что-то гремит, бухает — Арнольд копается в рухляди.

АРНОЛЬД (*голос*). Алексис дом строит — маленький, застенчивый Алексис. Видно, правду про него говорят — да? Я смог бы по теперешним временам дом построить, а? Я постыдился бы — мы не стали куликами, и это наш капитал. Даже поразительно, что это кто-то заметил, верно? И кто заметил!.. Сказать честно? Самое большое дерьмо, вот кто.

Постанывая, Арнольд выносит на середину комнаты большой старый магнитофон. Исчезает опять, затем появляется с кучей магнитофонных катушек.

ЛИЕНЕ. Ты слышишь?

АРНОЛЬД. Что?.. Да.

ЛИЕНЕ. Ты правда не слышал?

АРНОЛЬД. Принимала сегодня лекарство? Принести?

ЛИЕНЕ. Я так чувствую, я так думаю! Да!

АРНОЛЬД. Да! Со мной было то же самое. *Бах!* — как обухом по голове: каша, ужас, отчаяние. *А дальше, дальше?..* — я себя спрашиваю! Еще как будто не умер, но что дальше — не знаешь. И никто тебе не скажет! А я скажу: мне все ясно. Второй раз — *бах!* — и все ясно. Высшая сила, так?! Нет — просто кровь, состав крови...

Ставит на магнитофон одну из катушек. Включает — раздается нестерпимое завывание. Арнольд колотит по магнитофону ладонью, кулаком, слева, справа, со всех сторон.

ЛИЕНЕ. Кончай! Не надо!..

Однако ей не удастся перекричать магнитофон, и она пинает его. Резкие звуки смолкают. Звучит музыка — вступление к какой-то песне. Правда расслышать можно лишь с трудом — мелодия едва пробивается сквозь шипение, скрежет.

АРНОЛЬД. Одно ясно: выбор пал на нас по одной единственной причине — наши основательность и непретенциозность. Главные ценности, одним словом. Знаешь, мне жаль Алексиса. Хочешь верь, хочешь нет!

Магнитофонная запись. Песня. Мужской голос. Слов не разобрать. Возможно, это — Арнольд. И он начинает подпевать.

АРНОЛЬД (*поет*). *Нас ракета взметнет — в белый свет!*

Разрешиит Джо-толстяк или нет.

Сами “пуск” нажмем — удел молодых!

Зельем огненным жажду зальем — на троих, на троих!..

Садись, ты устала... *“На троих, на троих...”* Мы были модернами уже тогда, правда? Не модными, а именно современными. Сегодня мы выходим и кричим им в спины: *“Старики и старушки, золото здесь! Зря вы помчались в Клондайк! Йо-хо-хо!..”* Сядь же!

Лиене поворачивается, намереваясь выйти из комнаты.

АРНОЛЬД. Что случилось?!

ЛИЕНЕ. Ты проголодался, я приготовлю...

АРНОЛЬД. Спасибо! Спасибо тебе!.. Я так счастлив!...

Он целует Лиене, выключает верхний свет и, подхватив ее, начинает кружить в ритме шипящей песенки, снова подпевая.

АРНОЛЬД. Ты ведь тоже помнишь? Это же просто невозможно забыть!..

(Поет). Нас ракета взметнет — в белый свет!

Разрешит Джо-толстяк или нет.

Сами “пуск нажмем — удел молодых!

Зельем огненным жажду зальем — на троих, на троих!..

Для этой песни, очевидно, создана своя, особенная хореография. Арнольд сбивается на каждом шагу, но скорее потому, что железной хваткой прижимает к себе Лиене, а та танцует чисто механически, но безупречно. В магнитофонной записи слышится и женский голос, но Лиене молчит. Песня кончается, но долго еще звучат шипение и невразумительные щелчки. Танцоры на миг замирают, воздев сомкнутые руки.

АРНОЛЬД. Вообрази — если бы мы не встретились, кем бы ты была сейчас, кем был бы я... Страшно...

ЛИЕНЕ. Я ничего не помню. Абсолютно ничего!

АРНОЛЬД. Мне тоже так казалось. Но я хотел, очень хотел. Мы были легендой и остаемся легендой. Что нам скромничать! Потому-то тебе и страшно. Я давно это понял.

Внезапно — звонок в дверь.

АРНОЛЬД *(шепчет)*. Нас нет дома!

Он поспешно выключает магнитофон и яркий торшер.

АРНОЛЬД. Деньги мы вложим в дома — в большие доходные дома! Сотни людей приносят тебе плату — каждый месяц, с улыбкой. А ты делаешь, что хочешь! Поешь, например, сочинишь музыку, чешешь живот. Или витаешь в облаках.

Звонок в дверь — настойчивее.

АРНОЛЬД. Свинья! Паразит!.. *(К Лиене)*. Ты выключила свет на кухне?!

ЛИЕНЕ. Я туда шла уже...

АРНОЛЬД. Шла-ушла — не дошла! Ну так иди! Шагай теперь сама!

Опять звонят, и Лиене идет к двери.

АРНОЛЬД. Мы и этот дом купим! Прежде всего. Все равно, сколько за него спросят. Я хочу потом видеть эти морды! Так им и скажи! Постой! Нас отсюда могут вышвырнуть только через месяц после окончательного приговора суда! Мы ведь обжаловали, так?! Счетчик еще даже не выключен! На это я и напирал позавчера. Ни в коем случае и на порог не пускай! Это наша квартира, наша! Да иди же!.. Стой!

Он быстро целует Лиене.

АРНОЛЬД. Это в последний раз, честное слово! Все. Мы, Кролик, тоже можем стать акулами.

Не отвечая, Лиене выходит. Опять раздается звонок. Резко захлопнув дверь, Арнольд какое-то время смотрит на свое отражение в зеркале. Потом берет гитару и позирует — как на рекламных фотографиях. Правда, недолго — вскоре он уже прижимается ухом к двери. За ней — тревожная тишина. В конце концов он опять швыряет гитару и слегка приоткрывает дверь.

АРНОЛЬД (*притворно вяло*). Кто там, милая?..

Ему никто не отвечает, хотя за дверью — какая-то возня.

АРНОЛЬД. Кто-то пришел, милая?..

ЛИЕНЕ (*голос, после паузы*). Нет... Да, господин дворник...

Арнольд умолкает, возня в коридоре становится громче. Кажется, будто кто-то кого-то толкает, доносится скрип дверных петель.

АРНОЛЬД. Сейчас, милая, иду!..

Однако он не собирается никуда идти.

АРНОЛЬД. Иду!..

И все же, когда в коридоре грохается что-то тяжелое, он бросается из комнаты. И чтобы, видимо, скрыть свои сверкающие брюки, успевает накинуть длинный поношенный атласный халат. Шум возни за дверью нарастает — доносятся неясные выкрики Арнольда, Лиене и еще какого-то мужчины. И снова — хлопки, визг петель. Наконец все смолкает. Смолкает на добрую минуту. В конце концов, в коридоре раздается всхлипывание, но, когда в комнате появляется РОБЕРТ, оказывается, что это — смех. Он, должно быть, схлопотал в глаз — массирует правую щеку. Следом за ним приковылял Арнольд — тоже как бы смеясь и всхлипывая одновременно. Он зашиб ногу. В руке у него — белый пластиковый мешок, из которого капает нечто красное. Какое-то время оба селятся унять свою боль.

АРНОЛЬД. Смотрю — она лупит. Дворника, хозяйского холуя.

Думаю: похоже, он — первым ударил. Логично, так? Ну... я и врезал.

РОБЕРТ. Так оно, наверно, и выглядело: я споткнулся, *накут*, за что-то зацепился, лодыжка подвернулась, *накут*, в задницу, *накут*!

Роберт тоже начинает прихрамывать, поглаживает щиколотку.

АРНОЛЬД. Должен ведь я был поступить, как мужчина, старик!

РОБЕРТ. Кролик, похоже, хотела меня удержать, *накут*.

АРНОЛЬД. Представляешь, а если бы я не по косяку попал, а по почкам?!

РОБЕРТ. Я бы уже в могиле был, *накут*, в черной дыре.

АРНОЛЬД. Есть еще порох в пороховницах? Могу!

Арнольд обнимает Роберта.

АРНОЛЬД. Ты счастлив?

РОБЕРТ. Очень, *накут*!

АРНОЛЬД. Я серьезно спрашиваю!.. Не знаю, может, возраст такой — что на уме, то и на языке! Я могу! Я хочу тебе сказать!

Теперь, сейчас и здесь! Да, я счастлив видеть тебя. А ты? Серьезно.

РОБЕРТ. Да...

АРНОЛЬД. И знаешь — впервые в жизни я, может, по-настоящему счастлив, что вижу тебя. Хочешь верь, хочешь нет — я могу это сказать. Ты здесь — и я счастлив. По-простому, примитивно счастлив.

РОБЕРТ. *Накут*, я...

АРНОЛЬД. Пообещаем друг другу: с этого момента — честно, откровенно и... положительно! Даже, если что-то и не нравится. Не надо же сразу морщиться, кричать... Все можно обговорить, так? С улыбкой. Обещай!

РОБЕРТ. Ну. Нам надо — прямо и ясно. И положительно... Я...

Накут, тут жутко жарко, да?

АРНОЛЬД. Ну, скажи, скажи...

РОБЕРТ. Мне... Я, *накут*, хочу тебе... Э, *накут!*...

АРНОЛЬД. У тебя синяк будет!

Он прижимает к глазу Роберта маленькую вазочку, которая до того служила ему "микрофоном".

АРНОЛЬД. Держи! Крепко! Пройдет (*Смеется*). Господин дворник! (*Внезапно*). Она что — за дурака меня принимает? (*Кричит в коридор*). Почему — дворник, *накут?*...

РОБЕРТ. Я хотел тебе сюрприз сделать, я, *накут!* Мы хотели, чтоб ты не догадался, а потом — хоп! — появляюсь я, *накут*. Счастье! А не дворник!

АРНОЛЬД. Знаешь, я никогда, никогда в жизни ни на кого не нападал. А теперь — на этих — могу, *накут!* Да, задушить. Да, знаю — это нехорошо, это плохо, да! Но — честно. Так?! Спорим, они поют наши песни! Напьются и поют хором, *накут*. Представь их рожи, когда они узнают, кто автор их... народных песен! Я! Мы!.. Ты счастлив?

РОБЕРТ. Ну.

АРНОЛЬД. Я тоже был, как пьяный. По крайней мере сутки. Не спал, улыбался по-дурацки — сам себе в зеркале. Я и до сих пор еще — как под градусом. До сих пор! И сейчас — с тобой — то же самое.

Арнольд снова обнимает Роберта. Но — затем успокаивается. Он замечает брошенный на пол пластиковый мешок, который до того сам же и принес. Вокруг мешка — красная лужа.

РОБЕРТ. Там — отрубленная голова, *накут!*

Оба смеются. Хотя Арнольд — нерешительно. Роберт поднимает мешок и начинает выгружать из него провизию — хлеб и апельсины, сыр и виноград, колбасу и коньяк. Все красное: в мешке разбилась бутылка с томатным соусом.

АРНОЛЬД. (*смеется, поет*). Кровь, кровь, кровь! Кровь нашей души!.. (*Кричит в сторону двери*). Принеси тряпку!

РОБЕРТ. Кролик тоже... вообще... упала. Не...

АРНОЛЬД (*кричит*). И ведро!.. Я голодный, как волк! Как медведь! Как дракон!

Он откусывает кусок колбасы. Его руки уже были в красном, а теперь и лицо испачкано. Он настойчиво пытается стереть красную гущу, но все время что-то остается.

РОБЕРТ. Так я и думал. Два дня один дома, голодный и злой, *накут!*

АРНОЛЬД. Да, здесь есть связь, есть! Голодный и злой, *накут!* И на сей раз — счастливый! (*Зовет*). Мы тут насвинячили, слышишь?!

РОБЕРТ. Вообще-то она упала...

АРНОЛЬД (*прерывает*). Откуда ты знаешь, что один?.. И никакие мы не бедные — в холодильнике всегда что-то имеется!

РОБЕРТ. Ты сам сказал.

АРНОЛЬД. Что нечего жрать?

РОБЕРТ. Что ты — один. Два дня. Просто так мне представилось, *накут*. Ты сказал, когда звонил.

АРНОЛЬД. Это я сказал? С какой стати?

РОБЕРТ. Не знаю, с какой стати, *накут!* Ну и я тогда просто...

АРНОЛЬД. Не говорил я такого! И что значит “*накут*”?! Как попугай! *Накут, накут!* Это так модно сейчас?.. Глупо!

РОБЕРТ. Ладно, я соврал. Соврал, *накут!*

АРНОЛЬД. Нет! Прости! Я сам одурел!

РОБЕРТ. Возраст, наверно, *накут*.

АРНОЛЬД. Ты тоже чувствуешь, да?

Оба смеются.

АРНОЛЬД (*зовет*). Слышишь? Мы ждем!

Арнольд открывает бутылку коньяка. Пьет из горлышка, протягивает Роберту. Опять оба смеются — на сей раз глядя друг на друга. Оба перепачкались, так как бутылка была вся в томатном соусе.

АРНОЛЬД (*поет*). *Кровь, кровь, кровь — кровь нашей души...*

Может, эту штуку последней поставить?.. Да! Последняя вещь весь день в ушах звенит: *кровь, кровь, наша кровь!*.. Человек бубнит себе под нос, а перед глазами, куда бы ни пошел — наши фото с обложки диска. *Кровь нашей души! Накут!!!*

Он сбрасывает халат, взблескивают расшитые брюки. Арнольд хватается за гитару и принимает одну из тех поз, которые недавно репетировал.

АРНОЛЬД. Ты будешь сидеть рядом со мной. Здесь, внизу. На колене. На правом колене. (*О брюках*). Да, штаны у меня еще есть! И на животе сходятся! Да, *накут!* И я ничего, ничего не забыл!

Он ловко выделяет несколько па.

АРНОЛЬД. Это — в крови, в генах. Сам увидишь.

РОБЕРТ. Я... не знаю... Наверно, *накут*, не смогу. Четко и ясно, не смогу, *накут*.

АРНОЛЬД. Ты хоть пробовал?

РОБЕРТ. Я так, *накут*... Четко и ясно. Ты сам сказал. Понять должен, *накут*.

АРНОЛЬД. Не слышу.

РОБЕРТ. Говорю тебе, *накут*, четко и ясно... Не смогу я...

АРНОЛЬД. Не слышу.

РОБЕРТ. Тогда слушай, *накут!*

АРНОЛЬД. Да, это не легко. Ты себя обманул, одурачил, сломал. Ты — затих, приспособился. И теперь, *накут*, — пожалуйста: опять надо стать самим собой! Пожалуйста, *накут!* Дерьмово. Жутко. Но это — только на миг. Хоп! — и все позади... Ты обо мне думал? Я

годы держался. Годы, *накут!* Но я, конечно, ни в чем тебя не упрекаю. Я, конечно, понимаю. И прощаю. Конечно. Да, для меня это были — годы. Для тебя — секунда!..

РОБЕРТ. Нет, *накут.* Я — о другом. Я...

АРНОЛЬД. О том же, родной, о том же.

Он отпивает коньяка и дает Роберту.

АРНОЛЬД. Хлебни, и — приступим.

РОБЕРТ. Может, закусишь?

АРНОЛЬД. Сытый человек — мертвый человек. *Сытый и мертвый!*

Название нашего второго диска! Протест. Мы сочиним новые штучки — на второй лепешке только новые куски. *Сытый и мертвый! Накут!*

Роберт молча и основательно прикладывается к бутылке. Тем временем Арнольд перебирает магнитофонные катушки, отыскивая нужные. То и дело раздаются с шипением первые такты какой-нибудь песни. Порой ему опять приходится грохать кулаком по аппарату.

РОБЕРТ (*решительно*). Послушай, *накут!*...

АРНОЛЬД. Я голодный и злой! Не подходи, *накут!* Не подходи — я опасен! Голодный и злой!!!..

Голос Арнольда прозвучал слишком громко, поэтому стремительно вбегает Лиене.

ЛИЕНЕ. Не надо! Нельзя так!

Она бросается к Арнольду, норовит стереть красные пятна с его лица. Но вдруг замечает, что и у Роберта лицо в пятнах.

ЛИЕНЕ. Кролик, ты?! Мальчики, не надо! Мы же взрослые!

Разумные! Все можно обсудить! Мир, мальчики!!!..

Мужчин удивляет отчаяние Лиене, но уже через минуту оба начинают смеяться.

АРНОЛЬД. Я ему первый врезал!

РОБЕРТ. Нет, Я, *накут!*

АРНОЛЬД. Я!!! Он заслужил!

Только теперь Лиене видит, что их лица испачканы вовсе не кровью.

АРНОЛЬД. Ты же сама сказала: *зубы ему выбить надо! Предатель!*
Я так долго ждал этого момента! Так нет — он сам предложил:
виноват, мол, бей, накут!

РОБЕРТ. Да...

Лиене поворачивается, чтобы уйти, но Арнольд обнимает ее и целует.

АРНОЛЬД. Мы все утрясли — я простил. Все хорошо. Ты счастлива? Ну скажи — четко и ясно!

Лиене вдруг расплакалась и тоже целует Арнольда.

ЛИЕНЕ. Спасибо, спасибо тебе!.. Прости, Кролик, прости!..

АРНОЛЬД. Кролик! (*Роберту*). Я этого не слышал уже лет пять!

РОБЕРТ. Видишь...

ЛИЕНЕ. Кролик. Это давно должно было случиться — так ведь?..

Арнольд снова целует Лиене. Оба смеются. Она — сквозь слезы.

РОБЕРТ. Хорошо, *накут*, хватит!!!

ЛИЕНЕ. (*Арнольду*). Я думала, это будет так трудно! Но ведь и трудно — разве не так?! Я думала о тебе хуже, Кролик, намного хуже. Теперь можешь думать плохо обо мне!

АРНОЛЬД. Это же ясно. Когда человека выставляют за дверь, виноват именно тот, кого выставляют. А не я. Видишь, что он принес?.. Извиняется. Теперь он наконец понимает, что значит не сломаться. Годами не ломаться. Так ведь? (*Роберту*). Для нас не новость, что ты — предатель. Это было важно тебе самому.

ЛИЕНЕ. Кролик...

АРНОЛЬД. Четко и ясно. Не будем трепать нервы. Конечно, предатель. Только, пожалуйста, давайте говорить положительно. Я, например, абсолютно положительный. И никогда больше об этом не говорить. Все! Ничего не было! Мы обо всем забыли и никогда больше, без необходимости, не напомним тебе об этом. (*К Лиене*).

Пообещай и ты.

ЛИЕНЕ (*Роберту*). Я не понимаю...

АРНОЛЬД (*ЛИЕНЕ*). Вытрешь после! Держи! (*О коньяке*). Робу грехи дорого обошлись.

Арнольд протягивает бутылку Лиене, но останавливается и пьет сам. Передает бутылку Роберту — тот отказывается.

РОБЕРТ. Мы... я, *накут*... Я должен сказать тебе, что...

АРНОЛЬД. Хлебни для храбрости!

И Роберт берет бутылку и выпивает с каким-то отчаянием.

АРНОЛЬД. Хмель не берет, ничуть не берет!

Роберт протягивает бутылку Лиене, та резко отворачивается и идет к дверям. но тут Арнольд включает магнитофон - звучит вступление к какой-то песне. Он успевает и выключить люстру, и сунуть Роберту гитару, и перехватить Лиене на пороге. Она безуспешно сопротивляется.

ЛИЕНЕ. Я — за тряпкой! Мне тряпка нужна! Пусти!.. Тряпка!!!

Арнольд хрипло подпевает магнитофону. И для этой песни у них с Лиене есть хореография — он ведет жену, как куклу.

Холодны глаза, холодна рука.

Леденеют на солнце слова.

Застывает жизнь, застывает смех,

И любовь холодна, как снег.

Аладдин, ты коснись меня, чародей!

Унеси в свой сад поскорей!

Аладдин, Аладдин, ах, коснись меня! —

Не страшна ледяная броня.

Танец в переигрышах разработан особенно тщательно, он — длинный и эффектный.

АРНОЛЬД (*танцует, Роберту*). Все как раньше! Да! Закрой рот — муха влетит! Ну — вперед! Начинай! (*Поет*).

Под налетом льда — приложи ладонь! —

Сердца зной и мыслей огонь,

Шепот пламенный, жарких слез дурман

И надежд безумных вулкан.

Роберт слушается Арнольда: он, перевернув гитару, выстукивает ритм. Видно, что он это умеет.

АРНОЛЬД (*Поет*). *Аладдин, ты коснись меня, чародей!*

Унеси в свой сад поскорей!

Аладдин, Аладдин, ах, коснись меня! —

Не страшна ледяная броня.

Песня заканчивается. Опять какое-то время шипит и скрежещет пустая лента.

Арнольд целует Лиене.

АРНОЛЬД. Это — лучшая твоя вещь. Не ‘Ясень’ — “Аладдин”.

Внезапно Лиене припадает к плечу Арнольда.

АРНОЛЬД. Но ведь все отлично! Теперь отлично! Не плачь, пожалуйста, не надо!.. Ты устала? Не ела ничего? Я — сейчас! Ты же что-то принесла! Йогурт! Сейчас! А Роб колбасу притащил!.. Кончай! Ясно: я тоже два дня плакал...

Роберт вдруг решительно откладывает гитару и выключает магнитофон.

РОБЕРТ. Теперь я буду говорить, *накут!*

АРНОЛЬД. Видишь! Ты тоже все вспомнил! Сразу — через девять лет! Это в крови...

РОБЕРТ. Есть вещица поважнее.

АРНОЛЬД. “Аладдин”, между прочим, — самая трудная вещь. А не “Ясень”!

РОБЕРТ. Теперь я говорить буду!

АРНОЛЬД. Да-да! Иди!

Второй рукой он обнимает Роберта — теперь они втроем стоят тесным кружком.

АРНОЛЬД. Я люблю вас — слышите? Я когда-нибудь говорил такое? Вы когда-нибудь слышали?.. Я вас люблю. Это придает силы, так? Хотя бы уже то придает, что ты, — человек, говоришь четко и ясно. И положительно. *(Роберту)*. Как чувствуешь себя? Я люблю тебя. А ты?

РОБЕРТ. Да, по правде...

АРНОЛЬД. Я так счастлив. Столько надо было выстрадать, чтобы это почувствовать. *(Лиене)*. Ты — тоже счастлива. И любишь нас. Меня. *(Поет)*.

Унеси меня в свой сад, Аладдин...

ЛИЕНЕ. Только не описайся!

Арнольд смеется, но тут же умолкает.

АРНОЛЬД. О чем ты?

ЛИЕНЕ. О тебе.

Она энергично старается вырваться из круга, но Роберт не пускает.

РОБЕРТ. (*Арнольду*). Это нервы. Извини. Я бы не хотел, чтобы ты воспринимал все так... скажем, негативно. Мы оба этого не хотим...

ЛИЕНЕ. О чем ты?

РОБЕРТ. О нем. О нас.

ЛИЕНЕ. Говори о себе!

Она опять хочет вырваться, и Роберт опять не пускает.

РОБЕРТ. Все! Хорошо! Все, *накут!* Я говорю: мы любим друг друга! Вот так!

С минуту все молчат. Только Лиене вдруг начинает смеяться.

ЛИЕНЕ. О ком ты?

РОБЕРТ. О нас.

АРНОЛЬД. Ну да, я и говорю. И это так... положительно. Разве нет?

Лиене уже громко смеется.

АРНОЛЬД. Не будь циничной! Он говорит о нас троих. Не о нас двоих! Ты очень хорошо все понимаешь! Переключись, наконец. Хорошо, я понимаю... Все эти годы я... скажем так: не был положительным. Но ведь теперь мы это понимаем. Я ведь просто не мог быть иным. Пора забыть! Все изменилось, все. Люби. И забудь. Надо раскрепоститься, слышишь? Мы же оба положительные! А ты?.. Разве нет? Согласись же!

Лиене хочет освободиться от мужчин, но теперь они оба удерживают ее.

РОБЕРТ. Я сейчас еще раз!

АРНОЛЬД. Что?

ЛИЕНЕ. Не надо.

РОБЕРТ (*вдруг очень решительно*). Кончай! Хватит! Я больше не могу!

АРНОЛЬД. О чем ты?

РОБЕРТ. Да не тебе!

ЛИЕНЕ. Но и не мне!

На сей раз один Роберт вынужден удерживать круг, чтобы он не распался.

РОБЕРТ. Посмотрим друг другу в глаза! Четко и ясно! В глаза!!!

АРНОЛЬД. Я уже смотрю — четко и ясно!

РОБЕРТ. Мы любим друг друга, *накут*...

АРНОЛЬД. Да...

РОБЕРТ. Заткнись! Молчи! Я говорю о твоей жене! Теперь мы с ней будем жить вместе!

АРНОЛЬД. Я не думал, что все — так, буквально...

РОБЕРТ. В глаза смотри, в глаза! Ну?! Ты же видишь. Это — правда, что я тебе сказал! Да, ты действительно это слышишь! И не думай, что это — недоразумение, игра какая-то! Четко и ясно. И положительно. Клянусь! Мы хотим жить вместе! Мы — с ней! Все, *накут!*

ЛИЕНЕ (*Роберту*). В глаза! Смотри в глаза! Ну! Да, это правда, что ты видишь! Поздно! Сам знаешь — слишком поздно! (*Арнольду*). И ты тоже — в глаза смотри! В мои глаза! Ты очень хорошо понимаешь! Все!

РОБЕРТ. Почему?

Сперва Лиене, затем Арнольд рвутся из тесного круга. Но Роберт все-таки отчаянно удерживает их.

РОБЕРТ. Так нельзя, нельзя! Если мы теперь же не выговорим все это, то уж не выговорим никогда! Никогда! Мы же не болтаем здесь... ну, не знаю!.. скажем, о старых шлепанцах. Решаются наши судьбы! Да, *накут*, так оно и есть!

ЛИЕНЕ. Ах-ах-ах!

РОБЕРТ. Да! И будем, *накут*, смотреть друг другу в глаза!

ЛИЕНЕ. Смотри! Нет — в мои смотри! В мои и его — сразу!

РОБЕРТ. Ты — женщина, *накут*. А я понимаю лучше. Нам надо выговорить все! Нет, стой!!!

Он даже дает Лиене тычок, чтобы она не вырывалась.

ЛИЕНЕ. Мужчина! “*Накут, накут*”! Блевать тянет!

РОБЕРТ. Нет, мы будем говорить! Настаиваю, *накут*!

ЛИЕНЕ. Хорошо. Я буду блевать.

Кружок уже почти распался, и Роберт с Лиене успокаиваются, как по команде.

РОБЕРТ (*Арнольду шепотом*). Тебе плохо?..

ЛИЕНЕ (*Арнольду*). Ты же сегодня не принимал лекарство!..

РОБЕРТ. Пульса нет!

ЛИЕНЕ. У тебя там тоже нет!

РОБЕРТ. Нигде нет!

ЛИЕНЕ. Я говорила! Я же говорила тебе, что так оно и будет!

РОБЕРТ. Он дышит, дышит!

Лиене целует Арнольда, Роберт обнимает обоих. Мгновение спустя Арнольд едва вырывается из их рук, почти без дыхания. Роберт бросается за ним.

РОБЕРТ. Садись! Посиди! Прошу тебя! Мы же взрослые люди...

Арнольд уклоняется, не позволяет Роберту прикоснуться к себе.

РОБЕРТ (*неожиданно громко*). Взрослый мужик, *накут*! Сиди!!!

ЛИЕНЕ. Кричи у себя дома! Оставь нас в покое!

Лиене заступает Роберту дорогу. И он успокаивается. Затем Лиене усаживает Арнольда и начинает деловито кормить его. Она сует ему принесенные Робертом продукты, запачканные томатным соком. Арнольд откусывает от целого куска сыр, колбасу.

ЛИЕНЕ. И клубничный йогурт есть... на кухне... Разжевывай, не глотай так! Никто ведь не отнимает!.. И лекарства сегодня не принимал...

РОБЕРТ (*Лиене*). Спасибо! Большое спасибо!

Он быстро идет к выходу, но задерживается на пороге. Изрядное время молчит.

ЛИЕНЕ (*Арнольду*). Пить хочешь? Я кофе заварю. Что, язык закусил? Вот видишь! Не надо торопиться!..

РОБЕРТ. Всего хорошего!

ЛИЕНЕ (*Арнольду*). Все, все — прошло уже!

РОБЕРТ. Я же не могу сейчас уйти! Вы не должны меня отпускать, *накут!* Ясно же! Это же — как чирей на всю жизнь. Станет гнить, вонять, *накут!* А вы все будете улыбаться — *ничего, мол, не случилось!* И вы, *накут*, сами поломаете свою жизнь. Не мою! Я уйду и забуду. Спокойно! У меня ничего не отвалится.

ЛИЕНЕ (*Арнольду*). Не глотай же так! Не глотай, говорю!

РОБЕРТ. С глаз долой — из сердца вон! *Накут!*

ЛИЕНЕ. Ну — всего хорошего, до свиданья, до свиданья!

Роберт все же возвращается.

РОБЕРТ. Да, я не мог сказать — так вот, сразу. Что — безвольный, да?!.. "*Слишком поздно!*" Конечно! Ведь я при этом выглядел так же, как он — каждый день. Размазня. С трясущейся губой. Который ждет, что все устроится само по себе, с Божьей помощью. Кто-то там что-то скажет, кто-то что-то сделает... Да, я представ перед тобой таким, каков на самом деле, *накут*. На миг. Но теперь уж все и правда *слишком поздно!*.. (*Арнольду*). Знаешь, это тянется уже три года. Мы спим. Регулярно...

ЛИЕНЕ. Ты собирался уходить!

РОБЕРТ (*Арнольду*). С той самой ночи, когда ты, благородный дух, послал меня в задницу.

ЛИЕНЕ. Ах, сладка месть!

РОБЕРТ. Ей был нужен мужчина. Мужчина!

ЛИЕНЕ. Что такое *мужчина?*

РОБЕРТ. Она сказала, что...

ЛИЕНЕ (*перебивает*). У мужчин тоже есть душа.

РОБЕРТ (*Арнольду*). *Тожe* душа. А не *только* душа.

ЛИЕНЕ. Никакого чирья нет и не будет! Ничто не лопается и не воняет. Все — ты свободен!

РОБЕРТ. Да, я свободен, абсолютно свободен. Потому что у меня есть еще один *мужской* признак — деньги.

ЛИЕНЕ (*Арнольду*). Никогда, никогда я не говорила этого! Ложь! (*Роберту*). И не ухмыляйся, не ухмыляйся! (*Арнольду*). Выплюни, выплюни! У нас у самих все есть. Клубничный йогурт...

РОБЕРТ. Смотри не подавись — на мои деньги куплен!

ЛИЕНЕ. Я на свои покупала! Йогурт — на свои!

РОБЕРТ (*Арнольду*). На *кровные* деньги!

ЛИЕНЕ (*Арнольду*). Никогда! Я никогда у него ничего не брала!

РОБЕРТ (*Арнольду*). В твоем брюхе — кровавая колбаса за *кровные* деньги! Так ты тогда сказал? Низким, ужасным голосом.

Предатель...

ЛИЕНЕ (*Арнольду*). Ты вообще можешь вообразить что-то подобное? Смешно! Он мне деньги дает! И я — беру! Ты знаешь меня, так ведь?!

РОБЕРТ (*Арнольду — о Лиене*). Смотри, смотри! Ну, ты же знаешь ее, так!

ЛИЕНЕ (*Роберту об Арнольде*). Сегодня он бы не назвал их *кровными* деньгами. Спорим! Совершенно точно! Мы не слепые: торговля музыкальными записями — единственное, что трогает душу человека! По-настоящему! Молоденькие, зеленые души! И это — на самом деле, это... благотворный труд, в конце концов. (*Арнольду*). Дураку ясно, да? Самый возвышенный способ сгребания

денег, скажем так. (*Смеется слишком громко*). Нет, я совершенно серьезно!

РОБЕРТ. Теперь и вы можете участвовать в этой благородной миссии.

ЛИЕНЕ. Не сравнивай! Ты просто — торговец. Без нас ты бы... такой *накут!* Прости, пожалуйста. Это объективно. Ничего тут не поделаешь — кто-то все это создает. И горит в этом незнакомая тебе, божественная искра. Да, ничего смешного. Что тут веселого? Ничего смешного! Кончай!.. Нет, ты все еще усмехаешься!

РОБЕРТ. Я только радуюсь. Честно, положительно радуюсь. тому, что вы радуетесь. Радуетесь, аж по потолку бегаєте. Тому, что вас купят.

ЛИЕНЕ. Нес?! Купить нас?! Нас нельзя купить!!!

РОБЕРТ. Когда я продаю — вас покупают.

Лиене опять начинает заводиться.

ЛИЕНЕ. Нас нельзя купить! Нельзя! (*Арнольду*). Да скажи ему наконец!!!

РОБЕРТ. Ну разумеется! Это ведь жутко сложно, практически невозможно. Действительно, надо соорудить этакую хитрую ловушку...

Смех быстро смолкает; Лиене становится угрожающе спокойной.

ЛИЕНЕ. Глупо, страшно глупо.

РОБЕРТ. Теперь мы, наконец, можем поговорить?

ЛИЕНЕ. Все.

РОБЕРТ. Да посмотрите вы правде в глаза, *накут!*

ЛИЕНЕ (*Арнольду*). Хватит жрать. На, выпей!

Она сует Арнольду бутылку с коньяком. Перед тем она уже успела сама приложиться — ее перепачканные губы ярко-красные.

ЛИЕНЕ (*Роберту*). Чирей должен лопнуть?

РОБЕРТ. Конечно.

ЛИЕНЕ. И отвонять?

РОБЕРТ. Иначе нельзя.

Лиене целует Арнольда.

ЛИЕНЕ (*Арнольду*). Мы согласны. Правда, Кролик. Чирей должен лопнуть. Усаживайся удобнее, устраивайся.

РОБЕРТ (*Арнольду*). Прости, тебе будет немножко... больно. Но иначе этого не сделать. Ты ведь и сам не захочешь мучиться всю оставшуюся жизнь... *Что у них там было? Три года? Было или не было? За деньги или так?..*

ЛИЕНЕ. Смотри же правде в глаза, *накут!*

РОБЕРТ. Ну да!..

ЛИЕНЕ. Прости, тебе будет немножко больно.

РОБЕРТ. Пожалуйста, не превращай все в цирк! Случаются в жизни мгновения, которые вонзаются в мозг, в сердце и остаются там до гроба.

ЛИЕНЕ. Например?

РОБЕРТ. Это — будет таким.

ЛИЕНЕ. И — когда ты меня первый раз увидел...

РОБЕРТ. Да, например.

ЛИЕНЕ. Так когда?

РОБЕРТ. Это было... Было, было. Этого не забыть. (*Арнольду*).

Прости.

ЛИЕНЕ. Да ты меня тогда даже не заметил. Четыре года молотил в свой дурацкий барабан и думал, что я попросту этакая маленькая подружка группы.

РОБЕРТ (*об Арнольде*). Ты же сама отдала ему все свои штуки...

ЛИЕНЕ. А знал бы ты, кто я на самом деле, — обратил бы внимание!

РОБЕРТ. Ты была симпатичная...

ЛИЕНЕ (*об Арнольде*). Когда ты женился на всех его женах по очереди, у тебя перед глазами было только мое лицо!

РОБЕРТ. На всех! На сотне!

ЛИЕНЕ. И обе они так тебя привязали, что ты даже прибежать ко мне не мог.

РОБЕРТ. Да! Они сами меня выбрали.

ЛИЕНЕ (*Арнольду*). Он все еще думает, что Фреда — его дочка.

РОБЕРТ. Кончай, *накут!* Кончай!!! Мы говорим о сегодняшнем! О нашем завтра, *накут*, в конце концов!

ЛИЕНЕ. Мы сегодняшнее понять должны, чтобы...

РОБЕРТ (*Арнольду*). Они ведь сами тебя бросили, так?! Мы все это знаем! И я очень тебе благодарен, что ты смог быть выше этого. Вот, *накут*, настоящая дружба! И может, *накут*, я и правда предал ее тогда. Может быть. *Кровные деньги!* Это у меня каждую ночь в ушах звенит, поверь. Равнодушный так не кричит. Я только не желаю признаваться себе, что...

ЛИЕНЕ. Итак, они обе ничуть не были тебе нужны. Но...

РОБЕРТ. А Фреда — моя! И, к твоему сведению, в прошлом году все трое взяли мою фамилию! Или это не столь важно, да?! В конце концов, я их кормил, одевал. И Лину-беженку, тоже.

ЛИЕНЕ (*Арнольду*). Когда ты не знал, куда их спихнуть, это же был самый лучший выход, да?! Он хотел достичь всего, чего достиг ты! Завладеть всем, что было у его идола. Даже в комплекте со всеми детьми и свернутой мамочкой Эллы.

РОБЕРТ. Заткнись, *накут!!!*

ЛИЕНЕ (*Арнольду*). Да проснись же наконец! Пульс у тебя нормальный, не симулируй! Все уже устроилось.

РОБЕРТ (*Арнольду*). Нет, ты скажи ей, *накут!* Что я тебя победил! Ты сам это много раз признавал. Помнишь?! Говори, *накут*, скажи ей! Да утрись ты, в конце концов, смотреть тошно!

Послунявив палец, он принимается стирать с лица Арнольда полу засохшую томатную пасту.

ЛИЕНЕ. Еще ноги ему вымой! Оближи!

РОБЕРТ. Прости — у человека может быть идол. Не знаю — Эйнштейн или Эйзенштейн, *накут!* Но — не он! Идол! Как можно захотеть уподобиться человечешке, который получил тебя только тогда, когда эту маленькую подружку все наши уже поимели. По второму кругу.

ЛИЕНЕ. За исключением тебя! Ни по первому, ни по второму!

РОБЕРТ. Он — не мой идол! Нет, *накут!* (*Арнольду*). Проснись, наконец! Не строй из себя побитую собаку!

ЛИЕНЕ. Ты меня еще хочешь?

РОБЕРТ. Тебя? *Накут!*

ЛИЕНЕ. Подожди, не торопись! Сядь, дыши спокойно. Ясно и четко: ты еще хочешь меня?

Спокойная серьезность Лиене остужает Роберта.

РОБЕРТ. Что ты хочешь, чтобы я ответил?

ЛИЕНЕ. Я хочу, чтобы ты сперва подумал, спросил себя. А потом и ответил себе. Честно.

РОБЕРТ. Я был недостаточно честен?!

ЛИЕНЕ. Был, не сомневаюсь. А теперь — помоги мне. И ему. И себе. Чтобы потом не пришлось мучиться. *Хочу я или мне только надо? Или мне надо потому, что слабо сдаться? Или...*

РОБЕРТ. Все! Замолчи. Хоть на минуту!..

Закрыв глаза, он какое-то время молчит.

РОБЕРТ. Честно?..

ЛИЕНЕ. И ясно.

РОБЕРТ. Я не могу...

ЛИЕНЕ. Теперь, сейчас — ты хочешь меня, еще хочешь?

РОБЕРТ. Нет...

ЛИЕНЕ. Спасибо.

РОБЕРТ. Это было так трудно, так страшно трудно!

ЛИЕНЕ. Поверь, я рада, что ты — честен. Поверь мне. Тебе и надо было быть таким.

РОБЕРТ. Внутри все... кровоточит. Я хотел, хотел тебя, любил — честное слово! (*Арнольду*). Прости, это были чистые чувства. Тебе не следовало бы сердиться. Ничуть, клянусь!

ЛИЕНЕ. И теперь все прошло...

РОБЕРТ. И теперь все прошло. Это жизнь.

ЛИЕНЕ. Когда желаемое достигнуто.

РОБЕРТ. Да, наверно... Нет! Я же отказался — сам отказался от тебя. (*Арнольду*). Ты победил, ты!

ЛИЕНЕ. Я тоже еще здесь.

РОБЕРТ. Я потерял тебя, потерял! Я так опешил...

ЛИЕНЕ. Ты доказал, что нужен мне больше, чем он. Что ты ценнее. Ты своего добился. опять победил его.

РОБЕРТ. Ты выжала из меня, что хотела. Я ничуть...

ЛИЕНЕ. Я же это знала! Знала, и знала, что знаю. Дура! (*Арнольду*).

По правде, никого у меня не было — никого, только ты. С семнадцати лет. Никого другого я не хотела — это главное.

(*Роберту*). Вспомни — ты еще взорвался: *как ты можешь в такой момент газету читать?!*

РОБЕРТ. Когда?..

ЛИЕНЕ (*Арнольду*). Ты же это знаешь, Кролик! Хочешь клубничный йогурт? И — попить? Где же ты так запачкался? Что это?!

Смочив слюной палец, она принимается очищать лицо Арнольда.

ЛИЕНЕ. У тебя есть все, абсолютно все. Мне ничего больше не надо! Я не африканская королева, не Мадонна. Ты же знаешь меня. Так ведь — знаешь, Кролик! И я знаю, почему живу — да! Здесь, с тобой. Все эти годы. Да, и ты тоже знаешь. Ну — все в порядке! Да? Ну скажи — хоть одно словечко! Принцессочка моя...

Она целует Арнольда — неторопливо и долго. Роберт успевает отпить изрядный глоток коньяка. Затем перед одним из зеркал поправляет одежду, вытирает запачканное лицо и тихо идет к выходу. Когда он уже на пороге, Арнольд резко высвобождается из объятий Лиене.

АРНОЛЬД. погоди! Мы должны начать, сейчас же! Обзвоним наших — и начнем сегодня же! С какой стати именно завтра и в пять? Невозможно ведь дождаться — я умер бы от нетерпения.

(Лиене). Звони, Кролик! Всем!

Роберт все же отворяет дверь.

АРНОЛЬД. Никуда ты не пойдешь, ясно! Мы же люди, взрослые. Разумные люди. Слышишь? Я на самом деле так думаю! Ну как мне еще тебе это доказать? Пожалуйста, я сделаю все, что скажешь. Из окна выпрыгнуть? Пожалуйста. Да говори же, я докажу!

Вдруг Арнольд обнимает Роберта и решительно целует его в губы, затем громко и долго смеется.

АРНОЛЬД. Как умею, так и доказываю. Для меня только одно важно — чтобы ты почувствовал: я тебя люблю. Мы не можем начать все с холодными сердцами. Когда и руки наши — холодные. И слова холодные. Никуда ты не пойдешь! Не удерешь! Я вас всех заражу — честное слово! (Лиене). Ты дозвонилась, Кролик?.. Я вас всех сегодня заражу, *накут!* — не убегай! Вы заразитесь! Любовью! Глупо звучит, да?.. Правда звучит банально — слова, слова, слова! Потому-то мы и не дерьмовые писатели, не декламаторы! (Поет).

...Ты говоришь на другом языке —

Слышу в листве: “любимая!”

Арнольд силой усаживает Роберта на стул и ставит на магнитофон очередную ленту. Сквозь шипение опять звучит песня. Правда, теперь Арнольд не подтанцовывает — только поет. Хотя в записи звучит только женский голос.

АРНОЛЬД (*поет*). *Трогаю щеку твою — в крови.*

Льну к стволу с замиранием.

Я так ничтожна у ног твоих —

Ты устремлен в мироздание.

Ясень, мой ясень, ветви — в рывке...

Ты говоришь на другом языке —

Слышу в листве: 'любимая'...

Вдруг он выключает магнитофон.

АРНОЛЬД. Любимые! Наконец-то надо что-то делать! У нас не так много времени — жизнь ограничена. Хорошо сказано?

Он поднимает с пола вконец расстроенную гитару, бросает ее Лиене.

АРНОЛЬД. “Ясень” будет титульной песней. Сегодня, как никогда раньше, это необходимо, *любимая!* Да, сантименты. Но мы же взрослые люди, нам нечего стесняться. Это, *любимые*, наш козырь. (*Лиене — о гитаре*). Ну — я буду играть, слышишь?! (*Роберту*). Сейчас наши явятся — и начнем!

РОБЕРТ. Завтра, в пять.

Арнольд отбираете у Лиене гитару, которую она так и не начала настраивать.

АРНОЛЬД. Марш звонить! Чтоб сейчас же явились!

РОБЕРТ. Уже ночь. Два часа.

АРНОЛЬД. Да вы же все атрофировались! Заизвестковались! И не стыдно будет тебе, такому парализованному, стучать по своим кастрюлям? Надо быть в форме, *любимый!* Вот над этим-то и стоит поработать!

РОБЕРТ. Прослушивание только в будущем году — еще семь месяцев!

АРНОЛЬД. Какой ты самоуверенный — блевать хочется! Ты начнешь сейчас же, *любимый!* Сейчас же! Играть — не торговать! Сытый музыкант — мертвый музыкант.

Смеясь, он выбегает из комнаты. Какое-то время держится тишина; Лиене и Роберт даже головы не повернут, чтобы взглянуть друг на друга. В глубине квартиры Арнольд чем-то гремит, в чем-то копается. Внезапно Лиене бросается к Роберту, целует его с неподдельной страстью. Но в следующий миг она — уже на прежнем месте, спиной к Роберту.

РОБЕРТ (*громким шепотом*). Я не понимаю...

ЛИЕНЕ (*также*). Заткнись!

РОБЕРТ. Завтра... Во сколько? Там же...

ЛИЕНЕ. Забуди!!! Сиди!!!

С шумом в комнату возвращается Арнольд — он притаскивает шесть кастрюль разной величины. Располагает их вокруг Роберта, как комплект барабанов. Вместо палочек — деревянные ложки. Звучит внушительно.

АРНОЛЬД (*Роберту*). Я заставлю тебя, заставлю! *Накут!* Опять станешь человеком.

РОБЕРТ. Да ночь сейчас! Три! Люди спят.

АРНОЛЬД. Люди — настоящие люди — не спят! Никогда!

Арнольд начинает стучать по кастрюлям, выбивая такт.

АРНОЛЬД (*поет*). *Нас ракета взметнет — в белый свет!*

Разрешиит Джо-толстяк или нет.

Сами “пуск” нажмем — удел молодых!

Зельем огненным жажду зальем — На троих, на троих!..

Роберту не удастся помешать Арнольду барабанить. Это удастся Лиене — она неожиданно резко вырывает у него деревянные ложки.

ЛИЕНЕ. Заткнись!!!

Изумленный Арнольд громко смеется. Лиене с ложками бросается на него. Арнольд уклоняется, сопротивляется, но в конце концов крепко прижимает Лиене к себе.

АРНОЛЬД. Ух-ух-ух! (*Роберту*). Все — нервы, нервы. Мне тоже было жутко в первый день — стену кулаками молотил!

Представляешь — от радости, от счастья. Тут нечего скрывать!

(Лиене). Примем лекарство. Я забыл сегодня — да, Кролик.

(Роберту). Она не плачет — нет, не плачет.

РОБЕРТ. Поздно уже...

АРНОЛЬД. Сейчас все придут. Сейчас! Кролик дозвонилась. (О кастрюлях). Начинай, начинай потихоньку. Накрой одеялом и начинай...

РОБЕРТ. Они сперва прослушают запись — там можно обойтись электроникой.

АРНОЛЬД. Живой человек, живой голос, глаза, руки — это наш главный козырь. Почему, думаешь, они нас выбрали? Головой подумай!

Арнольд отпускает Лиене. Она тихо идет к двери, но он опять усаживает ее и сует в руки гитару.

АРНОЛЬД (Лиене). Я буду играть!

РОБЕРТ. Но они же ничего не гарантируют — так ведь они сказали.

АРНОЛЬД. Да, сказали так! Ради проформы. они так всем говорят. И очень разумно: это нас стимулирует! Мы работаем интенсивнее, и результат несравнимо лучше.

РОБЕРТ (внезапно громко). Ты видишь меня?! Видишь?!

Он вдруг вскакивает.

АРНОЛЬД. Я рад, да...

РОБЕРТ. Ты слышишь меня?! Я говорю! Слышишь?!

АРНОЛЬД. Не глухой...

РОБЕРТ. А мозги у тебя остались, *накут*?!

АРНОЛЬД. Ты нарочно портишь нам этот вечер?

РОБЕРТ. Ну, спрашивай! Ну, спрашивай! Спрашивай же!

АРНОЛЬД. Что?

РОБЕРТ. Ты давно уже, *накут*... придуриваешься! Спрашивай! Да, ответ может разрушить этот вечер, ночь, эту неделю! И всю твою

жизнь! Но если ты промолчишь, это все равно случится — через семь месяцев! Тогда уж совершенно точно. Больному уже немного осталось.

АРНОЛЬД. Убирайся! Мы не хотим...

РОБЕРТ. ну да! Что я и говорю. Ну!

АРНОЛЬД. Мы ничего, совершенно ничего не хотим у тебя спрашивать! *Накут!*

РОБЕРТ. Нет, ты хочешь! (*Лиене*). Он же ничего мне не говорил — ни о звонке, ни о записях диска, ни обо всех этих идиотских условиях. К примеру, об этих семи месяцах! Ничего! Но я, видишь, знаю! Он только позвонил и туманно эдак выдохнул: *завтра, кролики! Да, кролики, в пять, у меня. Дело есть... Дело, накут!*

Арнольд смеется — слишком громко, это бросается в глаза.

АРНОЛЬД. О чем же я тебя стану спрашивать, господин торговец? До меня все никак не доходит, *накут!*

РОБЕРТ (*Лиене*). Я ничего, совсем ничего не мог знать. И ему это известно, *накут!*

Вы все там в одном акульем пруду плаваете, *накут!* Тебе этот процесс отлично известен. (*Лиене*). Нам всего лишь поставили те же самые условия, что и всем остальным. И все.

РОБЕРТ (*Лиене*). Он не хочет верить в это! Ни за что, *накут!*

АРНОЛЬД (*Лиене*). Сейчас он еще хвастаться начнет, *накут* — ч что сам лично им нас подкинул! Сейчас, смотри!

РОБЕРТ. Они пишут — я торгую. У нас, *накут*, ничего общего! Я не мог знать!

АРНОЛЬД. Говорю же — все вы в одном пруду! Ясно, *накут?!*

ЛИЕНЕ (*Роберту*). Кончай!

АРНОЛЬД. Это неправда! Что бы ты не выдумывал, *накут!* Это не шутки, *накут!*

РОБЕРТ. В глаза, в глаза жизни взгляни!!!

ЛИЕНЕ. Кончай!!!

АРНОЛЬД. Дурацкие шутки, *накут!* Ты уже больше не
соображаешь, чем шутить можно, а чем — нет!!!

РОБЕРТ (*кричит*). Я не хочу на вас кричать! Не хочу! И не буду!

Мы разумные, цивилизованные, взрослые люди! Люди!!!

Арнольд и Лиене умолкают.

АРНОЛЬД. Ночь, уже четыре...

С минуту все молчат.

РОБЕРТ. Риточка звонила, моя продавщица. Она — соврет, глазом
не моргнет. Согласен: она тебя чересчур превознесла. Увлелась! А
я этого не хотел. Сухие факты, все — вполне достаточно, чтобы ты
кончил, наконец, водку пить и забрался в ванну.

Тишина.

РОБЕРТ. Я предлагал все это обговорить, пожалуйста. да, я виноват.

Для начала. Теперь, пожалуйста, вы.

Однако Арнольд и Лиене молчат.

РОБЕРТ. Согласен: надо привыкнуть к мысли. Не будем
торопиться...

Роберт не может устоять на месте — его шаги раздаются в комнате, подобно стуку метронома. Все продолжают молчать. Но когда Роберт, проходя мимо Арнольда, поворачивается к нему спиной, тот молниеносно хватается самую большую кастрюлю и сильно размахивается, целясь Роберту в затылок. Однако зеркала на стене выдают его - Роберт замечает все, отскакивает: кастрюля с силой грохается об пол. Арнольд летит следом, в мешанину прочих кастрюль. Шум ужасающий. Роберт приходит в себя лишь через минуту.

РОБЕРТ (*Лиене*). И ты спокойно сидишь! Я заметил: даже не
вздрагнула, не трепыхнулась! Конечно, меня надо убить, *накут*. Так
ведь?! Меня! Он бы это сделал! И сейчас я был бы уже
холодненьким. Как славно! Ты даже не зажмурилась! Ладно, — у
него, у бедняжки, депрессия. А ты?! Ты — убийца, *накут*.
Хладнокровная убийца! Молчаливая убийца!

Он высвобождает Арнольда из-под кучи кастрюль, усаживает.

РОБЕРТ (*Арнольду*). Все три года она жужжала: мы разобьем твое сердце! Мне запрещалось быть честным с тобой — для твоего же блага! Как удобно, не так Лиене?! Ты — ее дух, я... Ты слышишь меня, *накут*? Не закрывай глаза — есть у тебя пульс, есть! Мне кажется... ты должен услышать правду, *накут*! Еще — только десять секунд! Коротко! Я не чувствую себя виноватым — я не виноват! Она сказала, что тебе надо какую-то компенсацию, чтобы не разбилось сердце. Ну... из-за нас. Что мы хотим! Ну... того, чего больше уже не хотим! Слышишь? — больше не хотим! А эта запись — ты же получил компенсацию, верно? по потолку бегал, с зеркалом говорил, *накут*! Это была единственная возможность. Не позвони Риточка — ты бы здесь сгнил. Со всем своим духом на пару! И сердцем, *накут*!.. Сиди спокойно, не таращся, *накут*! Я пришел очиститься. Она не должна была находиться дома: мужской разговор. (*Лиене*). Была у меня смелость, была! Чего ты притащилась-то? Сказала, что будешь в субботу! Да, конечно, — ты хотела, чтобы я врал и дальше: годами врал. Так тебе было удобней. Вам обоим, *накут*! А я?!.. Нет, конечно, я же — не человек. Меня надо прибить дешевой кастрюлей, как паршивую собаку!..

(*Арнольду*). А твои дети, между прочим, гордятся моей фамилией!..

Арнольд и Лиене молчат. Роберт доползает до шкафа, опирается на него. Долгое время никто не произносит ни слова.

РОБЕРТ. За эти семь месяцев ты бы убедился, что...поздно. Прости. но такова реальность. Начал бы что-то делать, и сам понял, понял бы... Ты понимаешь? Конечно, понимаешь — не дурак же...

Слова его остаются без ответа.

АРНОЛЬД (*Лиене*). Кролик, лекарство. Я не принимал сегодня.

Но Лиене сидит, словно не слышит.

РОБЕРТ. Тебе не надо никакого лекарства — ты отлично слышишь.
Говорю тебе: завтра все равно будет завтра — а не вчера. Слышишь?

АРНОЛЬД. Кролик...

РОБЕРТ. Я тоже здесь! Я все еще здесь. Хоть тебе и не нравится это.
И завтра я буду здесь — да, буду. Убьешь меня послезавтра? —
Хорошо?! И что? Солнце больше не встанет?

АРНОЛЬД. Кролик, я порезался. Бо-Бо!.. Кровь.

Он рассматривает поднятый вверх палец.

АРНОЛЬД. Кролик, слышишь?.. Слышишь, черт подери?! Кровь!

Лиене наконец пошевелилась. Но к Арнольду не подходит. Прижимая к себе гитару,
ни слова не говоря и ни на кого не глядя, она выходит из комнаты.

АРНОЛЬД. Кролик...

РОБЕРТ. Покажи!

Он осматривает руку Арнольда.

РОБЕРТ. Томат. Кетчуп.

АРНОЛЬД. Кровь! Бо-бо...

РОБЕРТ. Чем?

АРНОЛЬД. Зеркалом.

РОБЕРТ (*смеется*). Сам себя, что Лиене, испугался?

АРНОЛЬД. Глупо! У меня кровь течет.

Из-под груди кастрюль он достает сверкающий осколок зеркала.

РОБЕРТ. Кетчуп.

АРНОЛЬД. Кровь!

Роберт лижет палец Арнольда.

РОБЕРТ. Томат...

АРНОЛЬД. Кровь тоже соленая!

РОБЕРТ. С чили.

АРНОЛЬД. Убирайся! Тебе нечего здесь больше делать! Сейчас я
проснусь — это все мой кошмар! Вон!

Вдруг Роберт дает Арнольду пощечину.

РОБЕРТ. Ты не спишь, не спишь, *накут!* Слышишь?!

АРНОЛЬД. Я не хочу! Я сплю!

Роберт отвечает ему еще одну хорошую затрещину.

РОБЕРТ. Если спишь — не больно!

АРНОЛЬД. Не надо! Все! Не имеешь права!..

РОБЕРТ. Я тебя разбужу! Будь человеком!

Внезапно Арнольд приставляет осколок стекла себе к горлу. Роберт кидается отнимать его.

РОБЕРТ. Он же острый — острый, *накут!!!*

АРНОЛЬД. Не мешай!

РОБЕРТ. Артерию перережешь!!!

АРНОЛЬД. Да! Я ведь сейчас человек!

Роберту наконец удается справиться с Арнольдом, отобрать блестящий осколок.

РОБЕРТ. Дурацкий театр, *накут!* Я тебе помочь хочу, а ты... Это несправедливо по отношению ко мне.

АРНОЛЬД. Это несправедливо — по отношению ко мне!

РОБЕРТ. Я — честен!

АРНОЛЬД. Ты совершенно честен. А я несправедлив!

РОБЕРТ. Да, *накут!*

АРНОЛЬД. Три года регулярно трахал мою жену, последнее отнимал...

РОБЕРТ. Мы сейчас, *накут*, не об этом говорим.

АРНОЛЬД. Я говорю, *накут!*

РОБЕРТ. Да не надо!

АРНОЛЬД. О чем же тогда надо?

РОБЕРТ. О... сам знаешь, сам хорошо знаешь, *накут*. Жизнь такая... Она немножко сложнее, так ведь?!.. О жизни, *накут*, говорить надо.

АРНОЛЬД (*вдруг очень спокойно*). Давай делать деньги.

РОБЕРТ. Ты о чем?..

АРНОЛЬД. Все вы в одном пруду плаваете — мы это выяснили.
Диск записать — чепуха, сам знаешь. Завтра — суббота, потом
воскресенье. В понедельник принимайся.

РОБЕРТ. О чем ты говоришь, *накут?*

АРНОЛЬД. О жизни, *накут.*

РОБЕРТ. Будто я тебе что-то должен, *накут!*

АРНОЛЬД. Ты создал человека... Бог обычно все устраивает... Я
попросил — все, как положено.

РОБЕРТ. Демагог!

АРНОЛЬД. Бог?

РОБЕРТ. Все! Прости. Я правда ошибся! Прощай.

Он идет к дверям.

АРНОЛЬД. Удачи тебе!

РОБЕРТ. Всего хорошего.

АРНОЛЬД. Будь здоров!

РОБЕРТ. А что бы станешь делать?

Роберт все же останавливается на пороге.

АРНОЛЬД. Тебе это не интересно.

РОБЕРТ. Это не так! И ты это хорошо знаешь!.. И я, между прочим,
тоже — с чистой совестью могу сказать, что я... люблю, люблю
людей. Да, и не стыжусь... *Ах, накут...*

Какое-то время оба молчат.

РОБЕРТ. Кролик пропал...

Молчание.

РОБЕРТ. Ты не принимал лекарство.

Арнольд опять не отвечает.

РОБЕРТ. Ну что все-таки ты собираешься делать? Я правда хочу
знать!

АРНОЛЬД. Я тоже...

РОБЕРТ. На миг, хоть на короткий миг — поверь, что я говорю серьезно... Ну — от всей души. Стоит представить твое положение, и я на самом деле не понимаю, что дальше. Ты же в тупике.

Слышишь? Ты, говорю я тебе, забрел в тупик.

АРНОЛЬД (*спустя мгновение*). Ну — легче стало?

РОБЕРТ. Я о тебе думаю, правда! И не ухмыляйся!

АРНОЛЬД. Я не ухмыляюсь.

РОБЕРТ. Ты просто-напросто мне не веришь!

Оба молчат. Бутылка коньяка уже пуста.

РОБЕРТ. Хорошо. Теперь слушай. Тебе ничего говорить не надо, я ни о чем не стану тебя спрашивать. Не отвечай ничего. Просто будет информация к размышлению. Итак... Только, пожалуйста, нее воображай, что я тебе что-то там должен. Ни один человек ничего не должен другому. Даже если кому-то так кажется. Ты же согласен, так? Так?... Ну, слушай! Значит... Я, *накут*, организую запись.

Хорошо. Допустим, я в этом самом пруду. Допустим, я это могу.

Легенда возвращается. Отлично: плакат на привокзальной площади, презентация на министерской дискотеке, *накут*, выходите вы... мы выходим и начинаем! Что начинаем? В эпоху лазеров спички рекламировать?! Да-да-да — так это и будет выглядеть, именно так! Или ты не согласен со мной? Не согласен? Нет, подожди — не говори ничего, подожди! Я говорю не об инструментах — новые купим! Займем, *накут*, — в худшем случае, у Алексиса. погоди, я же тебя ни о чем не спрашивал? Но по сути, по сути, я спрашиваю. Скорлупа симпатичная, а внутри — гниль! Нет, я ничего тебе не...

АРНОЛЬД. Это — мой дом, мой еще!

РОБЕРТ. Тебе ни к чему мои мудрствования, да, *накут*?!

АРНОЛЬД. Легенда возвращается...

РОБЕРТ. Стоп!!! Стоп, *накут!*.. Не плюй судьбе в лицо! Да, я понимаю: я был к тебе несправедлив. Видишь — я понимаю, я признаю. Вот! и ты был несправедлив ко мне — ясно, я проглотил. Если мы оба понимаем это, то давай поговорим, как люди — настоящие, взрослые люди. Я предлагаю формулу: я спрашиваю — ты отвечаешь. Только на данный конкретный вопрос. Страсти, *накут*, — в сторону. Мы должны тебе помочь! Ты согласен? Иначе не согласен я. Итак — мой первый вопрос: разве нам не нужен новый, современный — заметь, я говорю не “модный”, а “современный” — репертуар?

Арнольд молчит.

РОБЕРТ. Я — твоя последняя возможность. Ты это знаешь.

Повторяю: разве нам не нужны новые вещи?

АРНОЛЬД. Нет... Потому что мы...

РОБЕРТ (*прерывает*). Ответ “да” или “нет”! И только на заданный вопрос! Ответ на первый вопрос принимается. Ясно, что нам нужны новые песни. Это ясно. Жизнь идет вперед — так оно, *накут*, и есть. Ну хочу, чтоб молодые девчонки разглядывали, из какого места у меня песок сыплется.

Арнольд не поддерживает неловкий слух Роберта.

РОБЕРТ. Вопрос номер два: начинать надо с Кролика. За какое время она может сварганить четыре-пять новеньких вещиц? Тогда легенда и вправду вернется! Будьте любезны! Да! Мы еще не умерли! Седые, но живые! С собственным взглядом на сегодняшний мир — скажем так, *накут*. С более мудрым — да, с более мудрым! — так ведь?! И теперь — самое главное: вопрос о нас троих. Ничто не вернется, ничего у нас не выйдет, если мы не будем любить друг друга, согласись! Вопрос номер четыре: Кролик — твой. Навеки веков... Только не пойми превратно: мне, видишь Лиене, больше не

надо — возвращаю, мол. Это не так! Мне надо... то есть — правда, не надо! Но... ох, *накут!* Ты же понимаешь, хорошо понимаешь. Да или нет! Только не молчи — так мы легенду не оживим! Если ты не ответишь — я встану и уйду. Честное слово, *накут!* Слышишь?! Это слишком серьезно. Мы же треплемся тут не о... грязных носках — так ведь?! Вопрос номер пять: как дальше жить станем?.. Нет, честное слово, я уйду, *накут!*

АРНОЛЬД. Забудь о Кролике...

РОБЕРТ. Мне что — в письменном виде пообещать, *накут?*

АРНОЛЬД. Она участвовать не будет.

РОБЕРТ. Хорошо! Нам только вещи нужны.

АРНОЛЬД. Пустой номер.

РОБЕРТ. Ее сердце открыто — будущему открыто! Может, даже слишком. Другому кому-нибудь, может, было бы трудно выдержать. Все время — вперед, вперед, что-то новое, еще-еще-еще!.. Да что я рассказываю — тебе лучше знать.

АРНОЛЬД. Ты ее не знаешь.

РОБЕРТ. Я не знаю?!.. Нет — конечно, нет! Но...

АРНОЛЬД (*о брюках, о магнитофоне*). Все это я уже три раза заставлял ее вытаскивать из мусорника.

РОБЕРТ. Ты не знаешь ее! Кролику только перспектива нужна — конкретная, осязаемая...

АРНОЛЬД. Она ведь сегодня здесь не для скандала — я же как малый ребенок...

РОБЕРТ. Я знаю ее...

АРНОЛЬД. Ни одного па с душой, ни одной улыбки... Она не только не запела — она даже не слушала!

РОБЕРТ. Видишь — она тоже понимает: легенда не должна шипеть и скрипеть. Она должна вернуться... обновленной — скажем так, *накут!*

АРНОЛЬД. Она охотнее жила бы, как... этакая серая полевая мышка! Но — жила бы.

РОБЕРТ. Ты же не о Кролике говоришь!

АРНОЛЬД. Почему ей понадобился ты?

РОБЕРТ. Хорошо-хорошо-хорошо: она мне понадобилась! Бей, пожалуйста, Быстро, сейчас же! Времени нет!

АРНОЛЬД. Но от меня она все-таки не уходила! Три года...

РОБЕРТ. Это было так унижительно...

АРНОЛЬД. Я победил, я...

С минуту оба молчат.

РОБЕРТ. Иди ты -- я не знаю, как с ней говорить...

АРНОЛЬД. Мы могли бы обойтись и без женского голоса. Только это одно уже покажет, что мы — другие: новые, а не те... старые. Те же — старые, но... более мудрые, так ты сказал? Это заметят. Уже в записи мы будем иными. И “Ясень” я могу петь сам. Согласен: мы должны бегом бежать за современностью, удерживать ее. А когда начнутся концерты, я ведь смогу кого-то другого обучить. Петь же не обязательно.

Он танцует перед зеркалом с воображаемой партнершей.

АРНОЛЬД. Молодую девушку, совсем молоденькую! Это же симптоматично, так симптоматично! Это же то, что ты хочешь!

Пожалуйста! Мы возвращаемся! Молодые, обновленные, сильные и свежие! Но — более мудрые!

Напевая ритмично, он хватает Роберта и начинает таскать его по комнате. Роберт уже не смеется. На миг Арнольд резко останавливается.

АРНОЛЬД. Только об одном договоримся: от Алексиса ничего не принимаем. Вот так!

РОБЕРТ. Почему?

АРНОЛЬД. Есть у меня какие-то принципы, или нет, *накут?!*

Арнольд крепко обнимает Роберта.

АРНОЛЬД. Спасибо, спасибо тебе! Я бы на самом деле сгнил тут, да. Посмотрим же в глаза жизни. Так, *накут?!*

РОБЕРТ. Я тоже так... счастлив. Банальные слова, слова... Возраст такой, надо думать, верно?

АРНОЛЬД. В детство впали!

Оба смеются.

РОБЕРТ. Я попрошу одну, по твоему слову, *акулу*: Откупим авторские права — и вперед!

АРНОЛЬД. Мы еще живы, живы!

РОБЕРТ. А ты мне не верил, *накут!*

АРНОЛЬД. Врежь мне! Ударь! Я не верю, что живу! Ну — двинь, *накут!!!*

Роберт легонько ударяет Арнольда по спине, тот очень резко оборачивается.

РОБЕРТ. Прости — ты же сам просил... Слышишь? Лекарство?!..

АРНОЛЬД. У кого? Купить...

РОБЕРТ. Кончай, *накут!* Деньги — не... Ну, словом, не так уж плохи, когда от них добро. Тебе, обществу. Вы это заслужили...

АРНОЛЬД. Какие авторские права?!

РОБЕРТ. Кролика, естественно. Она же не откажет нам — нет! Тем более, если мы оба жалобно просим, а? На коленках, да?!

Смеется.

АРНОЛЬД. Ничего мы просить не должны.

РОБЕРТ. Это же ее вещи — закон...

АРНОЛЬД. Погляди на себя, погляди! Сам ничего не замечаешь?!

Арнольд ставит Роберта перед зеркалом.

РОБЕРТ. Это — кетчуп...

АРНОЛЬД. Я больше не узнаю тебя! Все вы — с другой планеты!

Он бьет Роберта в грудь.

АРНОЛЬД. У вас — у всех — вообще... тут что-нибудь есть?!

Пустота! Да — микросхемы, лампы! Законы! Параграфы брякают!

Это — мои вещи! Наши, общие песни! Легенда не может принадлежать одному человеку! Нет — будь так любезен, слушай, *накут!* Стой, смотри! Рядом с тобой — живой человек! А не...какой-то *накут!*

РОБЕРТ. С тобой никто работать не станет, никто!

Хватка Арнольда сильна — Роберт пытается, но не может вырваться.

АРНОЛЬД. Да захочу Лиене я с кем-нибудь — вот вопрос! Это — мои песни, мои! Не будь меня — их попросту не было бы, и ты это знаешь! Я — их источник, так скажем. Создатель. Они в любви родились — да! Слыхал такое словечко, слышал?! Не было б меня, не было бы песен Кролика — не было б легенды! И ты это отлично знаешь!

РОБЕРТ. Я ухожу, *накут!*

АРНОЛЬД. И я хорошо знаю — почему! За три года — ни одной песни! Да-да-да — только теперь пришло озарение, так ведь?! Песни из любви рождаются, а не... Прости, не от траханья! Ты не можешь причинить мне боль, не можешь мне навредить. тебе какая песня посвящена? Что-то я не слыхал такой! Посмотрим жизни в глаза! Посмотрим все вместе! Все равно ничего не увидим! Она любит меня. Видишь — тебе и сказать нечего.

РОБЕРТ. Песни рождаются в любви...

АРНОЛЬД. Да! Прости, извини, мне жаль. Пардон, экскьюзми, сори. В любви!

РОБЕРТ. Полностью с тобой согласен.

АРНОЛЬД. И оспорить — не сможешь!

РОБЕРТ. Ты совершенно прав.

АРНОЛЬД. Да, все-таки что-то в этом мире и я понимаю!

РОБЕРТ. Да, совершенно верно.

АРНОЛЬД. Что?

РОБЕРТ. То, что ты сказал.

АРНОЛЬД. Что я такого сказал?

РОБЕРТ. Нет любви — нет песен.

АРНОЛЬД. Птичка молчит, именно так!

РОБЕРТ. Нет — не так! Молчит.

АРНОЛЬД. Кто?

РОБЕРТ. Птичка. Сладкоголосая.

АРНОЛЬД. О ком ты?

РОБЕРТ. О тебе. Уже давно — молчит.

Арнольд продолжает разговор не сразу.

АРНОЛЬД. Но у тебя даже этого не было... У меня это было!

РОБЕРТ. *Было* — форма прошедшего времени.

АРНОЛЬД. Это не умирает! Песни — вечны!

РОБЕРТ. Они обладают силой — даже когда все прошло.

АРНОЛЬД. Обладают силой... Спасибо, все. Можешь идти.

Свободен. Мне от тебя ничего не нужно. И не было нужно. Тебе нужно. Но я — отказываю. Иди. Иди, иди.

Но Роберт даже не пошевельнулся — он спокойно смотрит на Арнольда.

АРНОЛЬД. И теперь ты молчать собрался?! Забрал, побродил — как по лугу. И теперь молчишь?!.. Признайся, хотя бы: *я был не прав!* Ведь, в сущности, если бы не было меня — не было бы и тебя, такого вот, какой теперь тут стоит. Я что-нибудь подобное швырял тебе в лицо когда-нибудь?.. Мои дети, между прочим, с гордостью носят твое имя!..

Роберт все еще молчит.

АРНОЛЬД. Не стану же я тут философствовать. Да — таково это время: песен нет. Ну и? Что я могу поделаться? Есть притворство, грохот, а песен — нет. Настоящих песен. Мне тошно философствовать. Особенно о таких вещах, которые каждой уличной тетке известны. Никто и никогда у нас больше не запоет. Надо смириться. Без всяких философий. Таково время...

Он включает магнитофон — однако тот больше не хочет работать: издает шипение и скрип. Арнольд молчит какое-то время.

АРНОЛЬД. Она много может попросить?

РОБЕРТ. Как-нибудь собью цену.

АРНОЛЬД. Это было бы всего лишь честно...

РОБЕРТ. Ну — ты несправедлив!..

Оба одновременно начинают смеяться — все громче и громче, вытирая слезы. Но вдруг Арнольд хватается Роберта за руку — они мигом смолкают. Из дверей, из глубины квартиры звучит гитара — играющий постепенно подбирает нужные аккорды, выстраивает мелодию. Потом вступает голос: поет Лиене. Но слов на расстоянии не разобрать.

АРНОЛЬД. Это новое, новое...

РОБЕРТ. погоди, тихо!!!

Оба шепчут.

АРНОЛЬД. Новая вещь!..

РОБЕРТ (*пытаясь повторить то, что смог расслышать*).

Топай вперед, дверь отворять —

Это тебе, кролик, свершать...

АРНОЛЬД. “Кролик” звучит иначе!..

РОБЕРТ. *Топай-топай, кролик, шагай...*

АРНОЛЬД. Темп, темп! “Кролик” так не поет!..

РОБЕРТ. *Накут! Топай-топай, дверь отворяй!...* Тот же самый “Кролик”!

АРНОЛЬД. Слова — те же! Но песня!..

РОБЕРТ. Я и не зал, что она играет...

Оба, застыв, слушают песню Лиене. Арнольд вдруг бросается к ближайшему зеркалу, быстро приводит себя в порядок, приглаживает волосы.

АРНОЛЬД. Погоди...

Он идет к дверям, но Роберт заступает дорогу.

РОБЕРТ. Сейчас еще нельзя — после всего...

Роберт быстро прихорашивается, но Арнольд хватает его за руку. Их шепот становится все громче.

АРНОЛЬД. После чего? Отвечай!

РОБЕРТ. Я сейчас! Я позову тебя... Признаюсь ей, расскажу все. Я хочу, чтобы она все поняла и простила тебя. Пожелай мне удачи!

АРНОЛЬД. Я сам могу!

РОБЕРТ. Ты хочешь, чтобы все началось, *накут*, сначала?!

АРНОЛЬД. Что началось? Что было?!

РОБЕРТ. Хочешь, чтобы все повторилось?!

Роберт уже в дверях, но Арнольд рывком возвращает его. Однако и ему уйти не удается — Роберт крепко удерживает его за рукав.

РОБЕРТ. Без меня бы ты тут все равно сгнил — сам признался!

АРНОЛЬД. Эта песня — для меня! Понимаешь, для меня! “Кролик” мой!

Они борются уже в дверном проеме.

РОБЕРТ. Она — больше не тот Кролик! Твоя — это был старый “Кролик”!

АРНОЛЬД. “Кролик” мой! Вместе с Кроликом!

РОБЕРТ. Это — новый “Кролик”!

АРНОЛЬД. Это — тот же!

РОБЕРТ. Нет, не тот!

АРНОЛЬД. Нет, тот же! И не тот!!!

РОБЕРТ. Тот же!

АРНОЛЬД. Я!!!

РОБЕРТ. Нет — я!!!

Они пытаются доказать друг другу, издавая какие-то нечленораздельные звуки. Затем разом протискиваются в дверь. Какое-то время еще слышно, как что-то

Песня кролика

падает, снова падает, но это мешает Лиене петь. В комнате остался лишь старый магнито-фон — он продолжает безнадежно хрипеть и скрипеть.

ЗАНАВЕС.

1999.

© Lauris Gundars.